

КРИТИКА НОРМАТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА НА ПРОПАГАНДУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

М.В. Анисифорова

*Всероссийский научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
ул. Поварская 25, 121069, г. Москва, Российская Федерация, taribuchneva@mail.ru*

Анализируется и подвергается критике нормативное содержание административно-правового запрета пропаганды наркотических средств и психотропных веществ, установленного в ч. 1-3 ст. 46 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». На этом основании обосновывается социальная и правовая потребность закрепления соответствующей дефиниции в законе либо установления точных критериев для отнесения информации о наркотиках к запрещенной.

Ключевые слова: наркотические средства и психотропные вещества; административно-правовой запрет пропаганды наркотиков; административная ответственность; статья 6.13 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

CRITICISM OF THE NORMATIVE CONTENT OF THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL BAN ON THE PROMOTION OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

M.V. Anisiforova

*All-Russian Research Institute
Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
25 Povarskaya str., 121069, Moscow, Russian Federation*

The normative content of the administrative and legal prohibition of propaganda of narcotic drugs and psychotropic substances, established in Parts 1-3 of Article 46 of Federal Law No. 3-FZ of January 8, 1998 "On Narcotic drugs and psychotropic substances", is analyzed and criticized. On this basis, the social and legal need to consolidate the relevant definition in the law or establish precise criteria for classifying drug information as prohibited is justified.

Keywords: narcotic drugs and psychotropic substances; administrative and legal prohibition of drug propaganda; administrative responsibility; article 6.13 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation

Научный и практический интерес к определению содержания нормативно установленного запрета пропаганды наркотических средств и психотропных веществ обуславливается рядом обстоятельств. Первое касается отсутствия легализованной в базовом антинаркотическом законе дефиниции «пропаганда наркотических средств и психотропных веществ» в условиях широкого применения мер административной ответственности за нарушения указанного запрета. Второе состоит в количественном преобладании в этой области правовых запретов в сравнении с правовыми ограничениями. Третье заключается в не вполне очевидной квалификационной «обособляемости» пропаганды от имеющихся в законе и доктрине сходных явлений, таких как подстрекательство, побуждение, склонение, манипулирование, вовлечение, публичный призыв, дезинформация («фейк» - новости) и т.п. [1, с. 65]

Запрет на пропагандирование наркотиков установлен ст. 46 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», а правовая норма о недопущении рекламирования наркотиков содержится в п. 2 ст. 7 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе». Дублирует положения указанных норм абз. 3 ст. 4 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации». Долгое время механизмы для реализации запретительных статей отсутствовали, а за нарушение указанных предписаний не следовало применение мер административной или иной юридической ответственности. Ситуация разрешилась с принятием Кодекса РФ об административных правонарушениях и введением в действие ст. 6.13, устанавливающей административную ответственность за соответствующие деяния [2, с. 103-104].

При этом нормативная дефиниция «пропаганда наркотических средств и психотропных веществ» не имеет прямого выражения в тексте антинаркотического закона. О ней можно судить исходя из содержания нормы трехчастной ст. 46 «Запрещение пропаганды в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ и в сфере культивирования наркосодержащих растений». Так, из ч. 1 следует, что пропаганда наркотиков может осуществляться посредством распространения сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений (в том числе посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей), производства и распространения книжной продукции, продукции средств массовой информации, а также совершения иных действий в этих целях.

В следующей ч. 2 указанной статьи одним из вариантов запрещенных и относящихся к пропаганде деяний признается распространение сведений о преимуществах использования отдельных наркотиков, включая использование в медицинских целях наркотических средств, психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, наркосодержащих растений, подавляющих волю человека либо отрицательно влияющих на его психическое или физическое здоровье, а согласно ч. 3 – распространение образцов лекарственных средств, содержащих наркотические средства или психотропные вещества.

По сути, такой способ изложения правил запрета пропагандирования – через перечисление способов пропаганды – опосредован желанием приблизить нормативное предписание к конкретным реалиям жизни и предусмотреть все возможные варианты нуждающихся в административно-деликтной квалификации деяний в этой сфере.

Однако сама задумка кажется не вполне удачной и не только в контексте конкретной дефиниции, поскольку даже самая совершенная правовая норма не способна учесть все нюансы практических правовых ситуаций, включая те случаи, которые по своей природе и юридической сути должны охраняться правоприменителем в административно-правовом порядке.

Реально это выглядит таким образом, что при рассмотрении вопроса о квалификации конкретного деяния лица (гражданина или организации) в качестве пропаганды наркотиков, должностное лицо органа исполнительной власти, а в дальнейшем судья, должны обнаружить соответствие квалифицируемого деяния букве закона – тем способам и приемам пропаганды, что в нем непосредственно предусматриваются. В противном случае (несмотря на то, что правовая норма в отношении способов и приемов распространения конкретной информации носит не исчерпывающий характер) правоприменителю остается не ясным, что еще, помимо указанных видов деятельности, считать пропагандой и в качестве таковой квалифицировать. Подобная ситуация, разумеется, объективна нежелательна в отношении случаев пропаганды наркотиков и их преимуществ, поскольку пропаганда наркотиков – явление гораздо более сложное, а ее содержание в реальности шире обстоятельств, предусмотренных ст. 46 базового антинаркотического закона.

Обнаруженный пробел нормативного содержания административно-правового запрета пропаганды наркотиков влияет в конечном итоге на качество юрисдикционной деятельности, ее эффективность, и, как следствие, – может негативно отразиться на соблюдении прав и свобод граждан и их объединений, привести к нарушению их законных интересов. С этим в основном связывается и значительное число дел об административных пра-

вонарушениях по данной категории, возвращаемых судьями для устранения недостатков протоколов (по п. 4 ч. 1 ст. 29.4 Кодекса РФ об административных правонарушениях), а также большое количество случаев прекращения юрисдикционного производства и освобождения от административной ответственности по ч. 1, 1.1 и 2 ст. 6.13 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Стоит отметить, что большинство сформулированных доктринальных и законопроектных определений «пропаганды наркотических средств и психотропных веществ» являются неполными, то есть не учитывают всего набора существенных для этого явления признаков. В каких-то случаях предлагающие, вслед за законодателем, идут по пути перечисления возможных признаков, в других – выделяют какой-то один главный атрибут, в-третьих – обобщают составные части определяемого явления. Причем часть из таких определений приводит к расширительной трактовке пропаганды наркотиков, а другая, напротив, к ограничительной. Очевидно, что оба варианта недопустимы, а новая дефиниция должна недвусмысленно и полно определить весь набор специфических характеристик пропаганды наркотиков.

Иначе говоря, запрет и административно-правовое преследование пропаганды наркотиков требуют установления в законе соответствующей конкретно-определенной дефиниции либо точных критериев для отнесения информации о наркотиках к запрещаемой и квалификации случаев ее распространения в качестве пропаганды.

Библиографические ссылки

1. Анисифорова М.В. Административно-правовое обеспечение запрета пропаганды наркотиков в России и за рубежом: монография / М.В. Анисифорова. – Москва: Проспект, 2022.
2. Анисифорова М.В. Неочевидные формы пропаганды наркотиков в молодежной среде и административно-правовые средства противодействия им // Научный портал МВД России. – 2021. – № 1 (53).